

НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И БУДУЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	02
Новый шелковый путь и будущее региональной кооперации	04
Станет ли «Новый шелковый путь» драйвером евразийской интеграции?	13
Поможет ли «Новый шелковый путь» развитию периферийных территорий?	20
Список участников семинара	29

ВСТУПЛЕНИЕ

Существующая сегодня международная система переживает серьезные перемены. Экономический и политический центр все сильнее сдвигается в Азию, прежде всего в интересах Китая. Учитывая неясную американскую стратегию в этом регионе, Китай продвигает себя в качестве новой сверхдержавы с собственными сферами влияния. Это отражается на политической роли Европы и меняет горизонт возможностей России на мировой политической арене.

Наиболее заметным инструментом такой политики влияния стала инициатива Нового шелкового пути, объявленная председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года в Назарбаевском Университете в Астане. Автомобильные магистрали, железнодорожные пути и новые морские маршруты должны укрепить торговлю между Европой и Азией, и, как и в историческом примере, Новый шелковый путь должен стать источником всесторонней выгоды участников. Си Цзиньпин обещает Казахстану и другим центральноазиатским государствам миллиардные инвестиции в экономику и инфраструктуру. Подобную картину можно наблюдать и в Европе. В марте 2014 года в рамках официального визита в Германию президент КНР знакомится со строительством железнодорожного пути из Китая в Дуйсбург и обещает содействовать увеличению немецко-китайского товарооборота, а также привлечению инвестиций.

В России с китайской инициативой связывают большие политические и экономические надежды. 8 мая 2015 года главы России и Китая в качестве доказательства успешного стратегического партнерства двух стран подписывают заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса проекта «Новый шелковый путь». Затронутые китайской инициативой страны и регионы надеются, что подключение к новой инфраструктурной сети принесет с собой не только китайские продукты, но и потенциальных инвесторов. С этой точки зрения, китайская инициатива «Пояса и Пути» является огромным стимулом для межгосударственного взаимодействия и региональных реформ на центральноазиатских границах.

Но все же для большинства политиков, представителей экономической и социальной элиты и населения в целом непонятно, какие конкретные шансы и риски связываются с китайской инициативой. Также СМИ редко пишут о том, какие политические, экономические и культурные вызовы несет «Новый шелковый путь» в странах на протяжении маршрута.

Поэтому в сентябре 2017 года международная команда исследователей отправилась из Иркутска во Владивосток, чтобы на три дня поездки погрузиться в обсуждение того, какие дискурсы о «Новом шелковом пути» господствуют в Китае, на постсоветском пространстве и в Европе. Другой темой, стоящей в центре дискуссии, стал вопрос, как можно оценить проект Си Цзиньпина в рамках существующих наднациональных стратегий как евразийской, так и европейской интеграции. Кроме того, участники обсудили, какое влияние китайская инициатива оказывает или может оказать на развитие постсоветских и европейских периферий. Результаты семинара обобщены в этой публикации и должны дать более отчетливую и критичную картину одной из самых амбициозных концепций 21 века.

Йенс Хильдебрандт, заместитель руководителя Филиала Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации

НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И БУДУЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ

Итогом работы международного научного междисциплинарного семинара «Новый шелковый путь и будущее региональной кооперации» стало формирование консолидированной позиции экспертов из России, Германии, Казахстана и Узбекистана по трем ключевым темам.

Сначала участники разобрались в том, как формировался дискурс в отношении китайской инициативы «Новый шелковый путь» (так условно решено было обозначать инициативу «Пояса и Пути», дальше по тексту сокращенно НШП) и сравнили основное содержание дискурса в разных странах.

Следующим пунктом обсуждения стали перспективы реализации «Нового шелкового пути» в контексте евразийской интеграции.

Наконец, ряд выводов был сделан в отношении той роли, которую «Новый шелковый путь» способен (или не способен) сыграть в развитии периферийных территорий России и стран постсоветского пространства.

Эти три темы составили три раздела совместной работы участников семинара.

ЧТО ТАКОЕ «НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»?

Особенностью семинара стало участие в нем ученых из стран, включаемых Китаем в глобальную инициативу «Пояса и Пути», но не из самого Китая. Соответственно главной задачей исследователей стало не разъяснение содержания и перспектив «Нового шелкового пути» (что чаще всего ожидается от китайских специалистов), а анализ того, как «НШП» превращается в фактор влияния на такие процессы, как наднациональная интеграция и региональное развитие, и как этот фактор оценива-

ется за пределами Китая. Поскольку в числе участников были представители России, Германии, Казахстана и Узбекистана, основное внимание было уделено именно этим странам. Опыт участников помог добавить к рассматриваемым странам оставшиеся среднеазиатские государства (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан). Кроме того, активное членство Германии в Европейском Союзе позволило участникам сделать ряд выводов, обобщающих общеевропейский дискурс.

При этом в центре обсуждения находились вопросы того, как концепция «Новый шелковый путь» воспринимается в интеллектуальных сообществах, причем и в самом Китае тоже. (Наличие в команде исследователей нескольких китайистов, детально владеющих информацией по содержанию китайских материалов, позволило сделать это без потери качества).

Определенные выводы делались и применительно к политикам, военным и крупному бизнесу, однако отмечалось, что при анализе дискурса, характерного для этих сообществ, реально можно рассчитывать только на официальные документы и заявления, что не всегда репрезентативно.

Иначе говоря, для оценки того, как воспринимается «Новый шелковый путь» зарубежными партнерами Китая, был выбран метод дискурс-анализа. Состоявшаяся дискуссия показала, что для всех собравшихся экспертов оказались близки подходы постструктуралистской философии, и поэтому являлось очевидным, что дискурс как система понятий, определяющая картину мира и практики определенного сообщества, важен для отношения к тому или иному феномену.

С практической точки зрения общественный дискурс, в значительной степени определяемый дискурсом в экспертном сообществе, важен из-за того, что люди, реализующие внешнеполитические решения, либо сами являются его носителями, либо испытывают его влияние (степень влияния разнится в разных странах). Некоторые ситуации (например, протесты против введения поправок в Земельный кодекс Казахстана в 2016 г. или негативная реакция на решение властей Забайкальского края отдать пустующие земли в аренду китайской компании «Хуаэ синбан» в 2015 г.) доказывают, что общественный дискурс может напрямую вмешаться в решения властей. Тем более велико его опосредованное влияние.

Между тем, «Новый шелковый путь» как концепция межгосударственного сотрудничества не может игнорировать отношение к ней в странах-партнерах. Именно поэтому собравшимся так важно было не только обменяться оценками, что такое «Новый шелковый путь», но и определить, как к нему относятся в тех странах, без участия которых амбициозная инициатива Пекина не сможет быть реализована.

Было определено, что дискурс в отношении «Нового шелкового пути», подвижный и волатильный сам по себе, в настоящий момент ощутимо различается в Китае и за его пределами.

Методы дискурс-анализа применительно к Китаю работают очень плохо, так как там доминирует специфический китайский нарратив, исходящий от государства, фактически монополизировавшего выработку дискурса. Негосударственных акторов дискурса нет. Средства массовой информации, исследовательские институты и «фабрики мысли» так или иначе находятся под контролем государства. Более того, присущая этим структурам привычка в абстрактных идеологических вопросах слушать и следовать некоей провластной «генеральной линии» фактически привела к зачистке пространства для интеллектуальной рефлексии по поводу действий государства. Появление в нынешнем Китае критических или хотя бы рассуждающих на тему «Пояса и Пути» публичных материалов практически невозможно. Отчасти потому что это чревато проблемами с государством; отчасти потому что содержание концептуальных установок государства носит предельно абстрактный, мало связанный с повседневной деятельностью характер.

Идущий от государства нарратив в отношении «Нового шелкового пути» действительно отличается высокой степенью образности и метафоричности. Например, в базовом концептуальном документе, который спустя полтора года после Астанинской речи Си

Цзиньпина¹ был выпущен в Пекине², инициативе «Пояса и Пути» дается такое определение: «Это путь к сотрудничеству и взаимному выигрышу, который содействует совместному развитию и процветанию, путем к миру и дружбе, который углубляет взаимное понимание и доверие, и укрепляет всесторонний обмен». Думается, что подобный подход выполняет и сугубо прагматичную задачу. Институциональные, отраслевые и даже географические рамки стратегии оказываются максимально размытыми, и это позволяет включить в нее все, что угодно – какую угодно страну мира, какую угодно провинцию КНР, какой угодно проект: от логистики до культурного обмена.

Однако эта «размытость» играет с пекинскими идеологами и «злую шутку». Если анализировать «Новый шелковый путь» исключительно по первоисточникам (заявления высших руководителей КНР, официальные документы и пр.), получить какую-то ясность о предметном наполнении концепции абсолютно невозможно. Причем это является проблемой не только для зарубежных наблюдателей, но и для самих китайцев. Находясь в условиях очень ограниченного количества разъяснительных документов, китайские эксперты, в массовом порядке переброшенные руководством на работу по концептуализации «большой идеи» Си Цзиньпина, вынуждены «угадывать» волю партии и домысливать ее в соответствии с собственными представлениями об установках Пекина. Это создает ситуацию, когда множится число не имеющих под собой реального политического фундамента интерпретаций, и за четыре года сама концепция «НШП» превратилась, образно говоря, в интеллектуальную провокацию, призванную побудить экспертов креативно мыслить, но никак не в программу конкретных действий.

Несмотря на то, что единства мнений относительно «Нового шелкового пути» за несколько лет усиленного обсуждения так и не появилось (а в каком-то смысле это усиленное обсуждение и было причиной возникновения путаницы в трактовках), несколько выводов о том, как воспринимается «Новый шелковый путь» в самом Китае и за его пределами, сделать все же можно.

- 1 Астанинская речь – выступление Си Цзиньпина в Назарбаевском университете (Астана, Казахстан), в котором впервые прозвучал призыв строить «Экономический пояс Шелкового пути» (7 сентября 2013 г.). В октябре того же года в Индонезии Си Цзиньпин предложил строить «Морской шелковый путь 21-го века». Вместе эти две концепции получили название «инициативы Пояса и Пути» (一帶一路倡议), которую с 2016 г. китайцами рекомендовано переводить на английский язык как Belt and Road Initiative (BRI).
- 2 «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21-го века»» (апрель 2015 г.)

Китайский дискурс обращен не только вовне, но и вовнутрь, что далеко не очевидно для зарубежных партнеров КНР. Между тем, «НШП» необходим Китаю как средство решения, прежде всего, задач собственной экономики. Другой задачей является укрепление действующего политического режима. Интеграционная риторика оказывается очень удобным инструментом, способным улучшить имидж руководства КНР как за рубежом, так и в глазах китайского общества, отвлечь его от текущих проблемных вопросов. Не будет преувеличением сказать, что «Новый шелковый путь» в нынешней формулировке является личным пиар-проектом Си Цзиньпина. Этот проект синтезировал множество более ранних идей о развитии китайской периферии и международного сотрудничества, которые продолжают реализовываться и при премьерах Си, но уже в другой «обертке».

Для Китая «Новый шелковый путь» выполняет важную функцию элемента идентичности, связанного с возвращением статуса великой державы. Существует гипотеза, что «Новый шелковый путь» как инструмент внешней политики соответствует традиционному для Китая пониманию международных связей (формальные сюзерен-вассальные отношения). В таком контексте этот проект предположительно нацелен на создание среди своих соседей цепи государств-сателлитов, чья экономика была бы тесно завязана на Китай, а финансовая система находилась бы в зависимости от китайских финансовых ресурсов. Следует отметить, что данная точка зрения имеет как сторонников, так и противников.

Внешний дискурс ожидаемо отличается от китайского. При этом, во всех рассмотренных странах существуют национальные (и даже региональные) особенности. Дискурс динамичен и проявляет способность подстраиваться под требования текущей ситуации, в основном отражая интересы элиты.

Для дискурса в отношении «Нового шелкового пути», несмотря на небольшой срок его развития (2013-17 гг.) оказалась характерна определенная эволюция по схеме: осторожность / любопытство – заинтересованность / осознание необходимости сотрудничества – разочарование.

Этот процесс можно проследить на примере России, где начальная фаза наблюдалась в 2013-14 гг. В январе 2015 г. во время подготовки визита первого вице-пре-

мьера Игоря Шувалова на Беоаский азиатский форум изначальная настороженность сменилась в окол властном дискурсе осознанием необходимости сотрудничества. Эти изменения были выражены в докладе Валдайского клуба «К Великому океану-3. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств». Кульминацией этого процесса стало подписание в мае 2015 г. соглашений о «сопряжении» Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути». Соответственно в 2015-16 гг., в рамках второго этапа, позитивная повестка, идущая от руководства страны и окол властных экспертов, практически вытеснила алармизм, характерный для раннего этапа. Впрочем, с конца 2016 г., все более ощутимым становится общее разочарование в экспертной среде. Это нашло проявление в цикле критических статей, появившихся в течение 2017 г. на ведущих экспертных площадках России («Коммерсант», «Ведомости», «Эксперт», сайт Московского центра Карнеги). По состоянию на конец 2017 г. в российском окол властном дискурсе начала доминировать концепция «Большого евразийского партнерства», которая, являясь идеологическим ответом России на появление китайской инициативы «Пояса и Пути» и позиционируя себя как «проект интеграции интеграций», тем не менее, на уровне нарратива дистанцируется от «НШП».

В рамках дискурса в рассмотренных странах можно выделить несколько базовых идеологических подходов:

1. «Алармисты» воспринимают «Новый шелковый путь» серьезно и видят в нем, прежде всего, угрозу. Однако, по характеру того, какая угроза доминирует в их восприятии, их можно классифицировать еще на несколько субгрупп: а) «протекционисты» – боятся экспансии китайского капитала и выступают за защиту местного производителя, в т. ч. с помощью мер протекционистского характера; б) «инвайронменталисты» – озабочены тем, что активное экономическое развитие в рамках «НШП» навредит экологии; в) «русофилы» – часть социума на постсоветском пространстве, которые воспринимают «НШП» сквозь призму вытеснения Китаем русской культуры и российского экономического присутствия в бывших советских республиках. В целом, алармистский дискурс наиболее характерен для различных неправительственных организаций, СМИ, широкого общественного мнения. На постсоветском пространстве этот дискурс активно используется политиками-популистами, однако степень его популярности в политической элите является вопросом дискуссионным.

2. На уровне официальных заявлений для представителей провластных кругов более характерен «оптимистический подход». «Оптимисты», как и «алармисты», воспринимают «Новый шелковый путь» всерьез, но видят в нем не угрозу, а прежде всего возможность для решения приоритетных государственных задач, как в экономике, так и в геополитике.

3. К числу «скептиков», как правило, относятся представители экспертных и исследовательских кругов, анализирующих широкий спектр данных, включая материалы о состоянии китайской экономики и особенностях политического процесса в КНР. Грубо говоря, они не находятся в плену завышенных ожиданий от китайской инициативы и призывают одинаково внимательно просчитывать как риски и возможности, так и саму вероятность реализации «Нового шелкового пути». Учитывая нынешнее состояние проекта, соотношение имеющихся ресурсов, проблем и поставленных задач, они считают его «пустышкой» и «бумажным тигром». Что, впрочем, не означает однозначного скепсиса по отношению к самой идее наднациональной интеграции и сотрудничества с Китаем.

Анализ дискурса зафиксировал наличие характерных национальных особенностей.

Так, Россия рассматривает «Новый шелковый путь» как глобальный геополитический проект и рассчитывает на получение от него не только экономических, но и внешнеполитических бонусов (в контексте противостояния с Западом).

Страны Центральной Азии, напротив, воспринимают «Новый шелковый путь» сугубо прагматично. В региональном экспертном дискурсе больше обсуждаются конкретные экономические проекты с участием Китая, чем высокие материи мировой геополитики.

Так, для Казахстана «Новый шелковый путь» является совокупностью транспортно-логистических проектов. Взаимодействие с ним концептуализовано в стратегии «Нурлы жол» («Светлый путь»), целью которой является экономическое развитие страны и, в первую очередь, ее периферийных районов.

Кыргызстан и Таджикистан воспринимают «Новый шелковый путь», прежде всего, как основной способ получения ресурсов для социально-экономического развития в виде кредитов, прямых инвестиций и технологий. При этом дискурс в Кыргызстане, ввиду нестабильной политической ситуации, в значительной степени волатилен и подвержен влиянию алармистов, а в Таджикистане, напротив, гораздо более устойчив, что связывается с застойностью политического процесса в стране.

Туркменистан воспринимает «Новый шелковый путь» исключительно в контексте развития поставок энергоресурсов.

Узбекистан делает упор на историческом значении Узбекистана для торговли по маршрутам Великого шелкового пути и ожидает к себе особого отношения со стороны Пекина. В условиях, когда это «особое отношение» не может быть получено, экспертный дискурс в Узбекистане проявляет довольно индифферентное (во всяком случае, по сравнению с другими странами региона) отношение к китайской инициативе.

В Евросоюзе дискуссия ведется вокруг возможности сформировать общеевропейскую позицию в отношении «НШП» и выступать в отношениях с Китаем как единый актор. Примечательно, что этот мотив отсутствует в других рассмотренных нами странах, даже в странах Евразийского экономического союза, несмотря на принятое между Москвой и Пекином решение «сопрягать» развитие ЕАЭС и ЭПШП. В Европе позиции отдельных стран по отношению к «Новому шелковому пути» могут различаться. Наиболее увлечены этой темой страны, располагающие транзитным потенциалом для перевозки китайских товаров, или же всерьез рассчитывающие на китайский капитал для преодоления экономической стагнации.

В целом, в европейском дискурсе пока отсутствует доминирующий ответ на вопрос «Зачем Европе вообще нужен Новый шелковый путь?», а ведущим мотивирующим фактором по отношению к китайской инициативе является стремление «не проспать что-то важное».

Несмотря на эти особенности, ряд элементов дискурса является общим для всех рассмотренных стран. К ним относятся:

1. Значительное влияние алармистского дискурса на принятие управленческих решений. На уровне политических деклараций политики оперируют тезисами «оптимистического дискурса», однако, когда дело доходит до конкретных действий, особенно на постсоветском пространстве, они проявляют склонность руководствоваться алармистскими установками. Среди обывателей, как в условном Кыргызстане, так и в условной Германии, эти установки доминируют в общественном мнении.
2. Для дискурса во всех рассмотренных странах характерно отсутствие ясного понимания содержания и перспектив «Нового Шелкового пути». Тем более отсутствует единая консолидированная позиция в СМИ, аналитике и науке, что, как говорилось выше, является результатом активного обсуждения проблемы в условиях ограниченности и специфичности информации в первоисточниках.
3. Ожидание китайских инвестиций в совместные проекты является доминирующим мотивом во всех странах. Призывы китайцев строить «сообщество общей судьбы совместными усилиями» пока не доходят до адресата.
4. Для всех стран в той или иной степени характера тенденция к разочарованию от «Нового Шелкового пути» из-за отсутствия «быстрых результатов».

Именно эти характеристики и являются, на наш взгляд, наиболее важными для дефиниции, что же такое «Новый шелковый путь» с позиций исследователей из разных стран.

СТАНЕТ ЛИ «НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» ДРАЙВЕРОМ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ?

Одним из наиболее существенных противоречий инициативы «НШП» является то, что она оперирует интеграционной риторикой³, однако ее архитектура совершенно не похожа на то, как должен выглядеть интеграционный проект с точки зрения сложившейся на Западе практики.

Действительно, «Новый шелковый путь» не имеет «дорожной карты» развития, не определены промежуточные и конечные цели реализации, а также критерии эффективности. Как упоминалось выше, содержание и географический охват размыты, не выработана институциональная рамка, не фиксируется членство. В качестве одного из критериев для определения, какие же именно страны все-таки участвуют в реализации инициативы «Пояса и Пути», можно привести статистику Форума Шелкового пути, прошедшего в Пекине в мае 2017 г. В мероприятии приняли участие делегации 130 стран и 70 международных организаций, включая 29 национальных лидеров из таких государств как Россия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Турция, Чехия, Польша, Венгрия, Сербия, Греция, Италия, Испания, Швейцария, Пакистан, Шри-Ланка, Монголия, Камбоджа, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Вьетнам, Индонезия, Лаос, Кения, Эфиопия, Фиджи, Аргентина, Чили. Теоретически все эти страны претендуют на то, чтобы называться частью «Нового шелкового пути».

Как видно, никакой географической логики в данной выборке нет. Не существует и официальной карты «Нового шелкового пути». Все распространяемые в открытых

---

3 Выше уже высказывалась гипотеза, что это происходит из-за того, что декларации о необходимости интеграции являются одним из наиболее легких способов увеличить внешнеполитический капитал того или иного лидера. Это происходит даже несмотря на мощный общественный запрос на восстановление локальной идентичности и на стремление предотвратить растворение национального политического, культурного и экономического суверенитета в общемировом. Такой запрос присутствует практически во всем мире, включая США и страны Европы. Китай в данном случае не является исключением, и призывы к построению «сообщества общей судьбы» в континентальном масштабе вполне сосуществуют с бурным ростом национально-шовинистических настроений в самом Китае.

материалах карты являются результатом экспертной рефлексии, а их популярность объясняется только размытостью формулировок, исходящих от инициатора «Нового шелкового пути» – китайского руководства.

Фактически это не интеграционный проект (в западном понимании этого термина), а довольно абстрактная философская концепция соразвития Китая и его партнеров по принципу «За все хорошее, против всего плохого».

Под интеграцией в западной политической практике, опирающейся на позитивный опыт Евросоюза, понимается, прежде всего, создание общих наднациональных институтов. Согласно европейскому опыту, начальной стадией экономического и политического объединения государств должно являться снижение или отмена таможенных пошлин на ввозимые товары (создание преференциальной зоны или зоны свободной торговли). За этим следует создание «таможенного союза» (отмена ограничений на торговлю для членов союза, проведение общей внешнеторговой политики в отношении третьих стран, включая установление общего внешнего тарифа). После чего отменяются ограничения на свободное перемещение капитала и труда (единое экономическое пространство). Кульминацией процесса является создание валютного союза.

С позиций данного алгоритма инициатива «Нового шелкового пути» не выдерживает никакой критики. Не только потому что подобные задачи вообще пока не ставятся китайским руководством, но и потому что даже начальная стадия такой интеграции не устраивает большую часть потенциальных соратников КНР по «НШП» (во всяком случае, на постсоветском пространстве). Протекционистские настроения по-прежнему сильны во всех этих странах. А интересы местной бюрократии, извлекающей административную ренту из трансграничных процедур, требуют сохранения межнациональных барьеров. Еще более болезненное отношение к возможному снятию таможенных и пограничных барьеров с Китаем, который по-прежнему воспринимается как исполин, способный задавить своей экономической и демографической мощностью менее населенные и не так развитые постсоветские страны.

Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что европейский опыт интеграции в случае с «НШП» абсолютно не применим. Более того, существуют сомнения, что

интеграция по европейскому сценарию вообще применима в условиях Центральной Евразии⁴.

Во-первых, никто из акторов центральноевроазиатской интеграции не готов уступить суверенитет ради решения общей задачи. Этот фактор усугубляется еще и продолжающимся процессом нациестроительства в большинстве стран региона с присущим этому болезненным отношением к вопросам национального престижа, суверенитета и вмешательству во внутренние дела извне.

Во-вторых, отсутствует (или выражено очень слабо) культурное взаимопроникновение. Единственное исключение – постсоветское пространство, где по-прежнему доминирует русский язык и основанная на русской общая «постсоветская культура». Однако стремление порвать со своим «колониальным прошлым» заставляет молодые нации искать новую идентичность, основанную на национальных корнях, и пока у нас нет оснований утверждать, что постсоветские интеграционные проекты, будь то СНГ или ЕАЭС, способны повернуть этот центробежный процесс вспять.

Следует заметить, что Китай сам не готов идти на заимствование цивилизационных ценностей извне. Традиционные представления о характере межнациональных отношений заставляют китайское общество ожидать, что это их национальная культура должна экспортироваться, а никак не наоборот.

⁴ Здесь под этим термином понимается пространство постсоветских стран, стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, охватываемое китайской инициативой «Пояса и Пути».

В-третьих, успеху европейской модели интеграции способствует тот факт, что движущей силой интеграции является сразу несколько крупных игроков (Германия, Франция, Италия, Испания, Португалия, Великобритания до «Брекзита»). Евразийские модели интеграции же, напротив, основаны на доминировании одной крупной силы (Китай в инициативе «Пояса и Пути», Россия в ЕАЭС), а попытки выстроить интеграционный процесс между «равновеликими игроками» (например, в формате ШОС) на данный момент выглядят неубедительно.

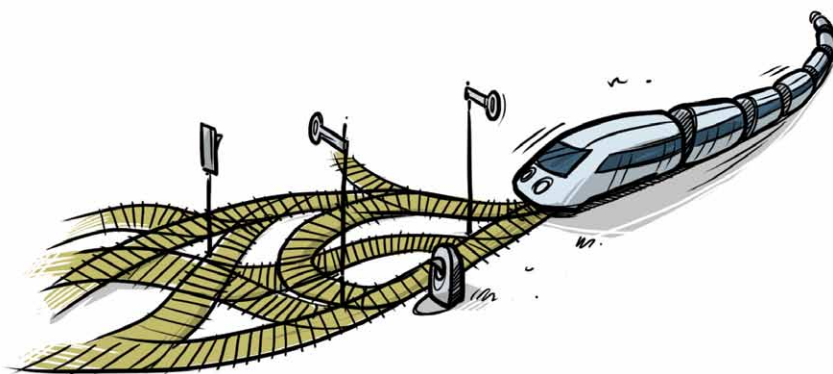
На примере ЕС мы видим, насколько эффективным может быть взаимодействие внутри тандема ведущих стран-драйверов интеграции (Германия и Франция). Кандидаты на эту роль в Евразии должны были бы соответствовать трем основным критериям: 1. значительный политический вес в регионе, 2. значительные экономические и финансовые ресурсы, 3. положительный имидж с точки зрения «мягкой силы». Однако, даже гипотетический тандем России и Китая не соответствует этим критериям, да и в целом, гегемония отпугивает партнеров. Доказательства этого мы видим на примере «воображаемой интеграции» в рамках «Нового шелкового пути». Зарубежные партнеры Китая с удовольствием говорят об интеграции, когда под ней подразумевается получение китайских инвестиций и технологий, но блокируют все вопросы, связанные с устранением межнациональных административных барьеров.

Совокупность указанных факторов позволяет нам дать негативный ответ на вопрос, способен ли Китай достичь в вопросах макрорегиональной интеграции степени влияния США и стать новым «естественным лидером интеграции» на пространстве Евразии и АТР. Как минимум в том, что касается интеграции по европейским лекалам, это вряд ли возможно.

Однако, невозможность применения апробированных на европейском материале алгоритмов не означает несостоятельности «Нового шелкового пути» для внешнего использования, поскольку очевидно, что на Востоке под интеграцией подразумевается несколько иное. Для Азии ключевым элементом межнационального взаимодействия является восстановление (или создание) производственных и торговых цепочек, что может успешно работать и в контексте «Нового шелкового пути» – например, в случае с созданием Китайско-пакистанского экономического коридора и выстраиванием трансконтинентальных логистических маршрутов из Китая в Европу через Казахстан и Россию.

Более того, продвигая «Новый Шелковый путь» на мировой арене, Китай применяет принципиально новый для западной практики внешнеполитический подход, который можно обозначить термином «новая политика оказания влияния». Ориентация на наднациональную интеграцию является только частью этого, более широкого подхода. Его особенностями являются следующие черты:

1. Помимо решения задач развития своей экономики и обеспечения национальной безопасности Китай как великая держава естественным образом заинтересована в признании своего формального лидерства среди партнеров по «Новому шелковому пути» (хотя необходимо заметить, что на уровне официальной риторики подобные заявления отсутствуют). При этом задача «подчинить», «установить военный или экономический контроль» не является приоритетом в кратко- и среднесрочной перспективе и не учитывается в качестве показателя успеха внешней политики.
2. Задачу по установлению формального лидерства Китай решает без очевидного вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Прагматичная политика КНР, развертываемая в Африке, на Ближнем Востоке и сейчас на пространстве Центральной Евразии, показывает, насколько эффективен может быть этот принцип в выстраивании отношений со странами, находящимися на переходных стадиях институционального и экономического развития.
3. При этом Китай использует стратегию «объединения» региона без создания наднациональных органов. Возможно, это происходит временно, так как уже создан Форум Шелкового пути, способный, по оценке некоторых экспертов, восполнить институциональный вакуум в инициативе «Нового шелкового пути» и даже стать более послушной Пекину альтернативой ШОС (Шанхайская организация сотрудничества). Однако в мае 2017 г., когда проводился Форум, эти ожидания не оправдались. Несмотря на информационный шум мирового масштаба, мероприятие получилось бессодержательным, не привело к принятию конкретных стратегических решений и фактически превратилось в личный пиар-ход Си Цзиньпина. Подобный расклад оказался очень полезен для китайского лидера в преддверии 19-го съезда Коммунистической партии Китая, однако и близко не продвинул нас к ответу на вопрос, как может реализовываться интеграционная инициатива без создания наднациональных координирующих органов.

Примечательно, что Россия, столкнувшись со сложностями в реализации европейских подходов к интеграции, проявляет склонность к перенятию китайского подхода. Докладом этого является концепция «Большого евразийского партнерства» – столь же абстрактная и размытая, как и «Новый шелковый путь». Это, впрочем, не стоит считать очевидным недостатком, поскольку свои задачи «Большое евразийское партнерство» выполняет. Оригинальная интеграционная повестка выдвинута; национальный лидер получает возможность извлекать политический капитал не только из силовых операций, но и из позитивной интеграционной риторики; создается концептуальная база для взаимодействия России с интеграционными формированиями в Евразии: как с тем же «Новым шелковым путем», так и гораздо более институционализированной АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии).

Примером переходного процесса от одного подхода к другому является тактическое решение об интеграции («сопряжении») ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Понятия «несопрягаемы» по определению, так как «интегрировать» предполагается конкретный институт с абстрактной философией. Однако по своей сути «сопряжение» ЕАЭС и ЭПШП стало просто удобной «оберткой», под которой позиционируется сотрудничество двух стран: России и Китая.

«Двух» – потому что в выработке и обнародовании решения о «сопряжении», судя по имеющейся информации, приняла реальное участие только одна страна ЕАЭС – Российская Федерация. Наибольшие бонусы от «сопряжения» также получила именно Россия, причем бонусы эти лежали не в экономической, а в геополитической и

внутриполитической областях. Объявив о широкомасштабном сотрудничестве с Китаем всего год спустя после «крымских событий», Кремль, с одной стороны, продемонстрировал западным алармистам жизнеспособность тандема «Москва-Пекин»; с другой стороны, успокоил российское общество, которое на волне противостояния с Западом начало бояться того, что Россия останется в международной изоляции.

Среди партнеров России по ЕАЭС решение о «сопряжении» непопулярно и фактически игнорируется ими на фоне развития двухсторонних связей и собственных стратегий «встраивания» в «Новый Шелковый путь». При этом позитивная риторика Москвы по отношению к «НШП» используется такими странами в конъюнктурных целях. Например, Казахстан может спокойно развивать двухстороннее экономическое сотрудничество с Китаем, не опасаясь негативной реакции Москвы, что безусловно выгодно Астане, успешно балансирующей между двумя гегемонами на своих границах.

В целом же на данный момент более эффективным оказывается формат двухстороннего взаимодействия с Китаем и «НШП», чем многосторонний. И соответственно более эффективны двусторонние стратегии интеграции в «НШП», чем многосторонние. Для первого тезиса показателен пример экономических отношений Германии и КНР, которые успешно развиваются независимо от реализации «НШП» и дискуссии о нем в Евросоюзе. Доказательство второго тезиса – успех стратегии национального развития «Нурлы жол» в Казахстане, специально выработанной под инициативу ЭПШП и наполненной сотрудничеством с Китаем конкретными экономическими проектами.

Обобщая выводы по теме наднациональной интеграции, можно констатировать, что «Новый шелковый путь» – это точно не интеграционный проект и к успеху евразийской интеграции (во всяком случае, в формате, который опирается на опыт западных интеграционных структур) он привести не может.

Концептуально «Новый шелковый путь» является философией соразвития Китая и бесчисленного множества стран (причем не только евразийских). С практической точки зрения инициатива представляется удобной «оберткой», в которую можно «упаковать» экономическое сотрудничество с Китаем, рассчитывая на получение китайских капиталов и технологий. Насколько успешно это работает на примере конкретных территорий, будет показано в следующем разделе.

ПОМОЖЕТ ЛИ «НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» РАЗВИТИЮ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ?

В предыдущих разделах мы уже убедились, что разрекламированная китайская глобальная инициатива не оправдывает ожиданий как интеграционная структура. Отчасти это вызвано завышенными ожиданиями. Отчасти неготовностью мирового сообщества оценить идеи Пекина, отличные от западных стандартов. Отчасти тем, что сама концепция «Нового шелкового пути», запущенная вероятно в локальных целях личного пиара лидера КНР на центральноазиатском пространстве, неконтролируемо для ее инициаторов превратилась в «проект» вселенского масштаба и обросла интерпретациями, которые изначально в нее не вкладывались.

Это произошло из-за того, что бурный экономический рост Китая на протяжении 1980-2010-х оказался мифологизирован, а его ресурсы и готовность тратить их вовне – преувеличены. Данные мифологемы вполне очевидно привели к умозрительному выводу о том, что разбогатевший Китай сможет проспонсировать экономическое процветание в тех районах мира, которые в условиях глобальной экономики оказались на периферии развития. Этот вывод вызвал живой интерес даже в тех странах, где с деньгами было все в порядке (например, в Германии). Тем более идея «присосаться» к китайскому экономическому чуду оказалась востребованной там, где денег не хватало.

Сразу несколько стран подхватило идею строить «Новый шелковый путь», как только Китай выступил с заявлениями, восходящими к идее возрождения Великого шелкового пути. С некоторым запозданием, но к инициативе присоединилась даже Россия, которая, при всем нежелании играть в «чужую игру», столкнулась с необходимостью обеспечить «опережающее социально-экономическое развитие» своих восточных регионов, на что, учитывая падение цен на энергоносители и валютный кризис, денег уже не было.

В этих условиях казалось естественным, что Россия постарается использовать готовность Китая делиться ресурсами и технологиями на более льготных условиях в целях содействия развитию дальневосточной периферии. Схожие представления озвучи-

вались и в других странах и регионах. В качестве одного из главных аргументов при этом выступал пример самого Китая, где под лозунгами строительства «Пояса и Пути» значительные средства были вложены в инфраструктуру периферийных регионов на западе, севере и даже северо-востоке страны⁵.

В целом же тема влияния «Нового шелкового пути» на развитие периферийных территорий, безусловно, требует дополнительных исследований – как сбора эмпирической базы, так и ее переосмысления. С момента запуска «НШП» прошло слишком мало времени, поэтому на данный момент мы оперируем лишь предварительными выводами, которые возможно будут скорректированы будущей эмпирикой. Реальные результаты влияния просто не успели появиться на практике где-либо за исключением Китая, где инициатива «Пояса и Пути» фактически продолжила масштабную стратегию «Большого развития Запада», которая осуществлялась с 2000 г. Ниже следуют наши предварительные выводы:

1. Периферийные территории стран постсоветского пространства и Китая действительно отстают в социально-экономическом развитии от развитых регионов, более населенных и более интегрированных в мировую экономику (в случае с Китаем – это прибрежные провинции востока и юга страны, в случае с постсоветскими странами – это, прежде всего, столичные регионы⁶). Это ставит перед национальным руководством задачу выравнивания региональных диспропорций развития, которая на постсоветском пространстве (да и в Китае) решается в условиях централизованного распределения ресурсов и контроля над назначениями местного руководства.

---

5 Отсутствие четких географических рамок в инициативе «Пояса и Пути» спровоцировало «парад местных поясов и путей» по всему Китаю. В течение 2013-15 гг. во всех регионах КНР появились местные программы локализации инициативы «Нового шелкового пути» (характерный пример – программа «Лунцзянского сухопутно-морского шелкового пути», предполагающая развитие производственно-логистической инфраструктуры провинции Хэйлунцзян и Дальнего Востока России с целью обеспечения прямого выхода китайской экономики на морские порты ДФО). Основной целью этих программ является демонстрация местным руководством лояльности идеологическим веяниям, идущим из центра, а также получение трансфертов из центрального бюджета.

6 Под периферийными пространствами мы подразумеваем территории, географически удаленные от столиц, хозяйственно менее развитые и демографически менее населенные, чем центры экономической активности. Стоит отметить, что определение понятия «периферия» стало одной из самых обсуждаемых тем в течение всего семинара, поскольку однозначно экономически и географически разграничить центр и периферию представляется маловероятным.

Это приводит к первому ключевому выводу, который можно сделать на имеющемся материале: в условиях централизации принятие решений о целях и содержании регионального развития принимается на уровне центра, зачастую без учета местной специфики и регионального дискурса, хотя и с некоторой возможностью для региональных элит включиться в этот процесс. Таким образом, между интересами центра и регионов образуется некоторая дистанция, в результате чего усилия центра и их имплементация на местах существуют как бы в разных плоскостях. Это негативно влияет на эффективность действий центра по региональному развитию.

Примечательно, что европейский материал, с одной стороны, не позволяет нам считать данную тенденцию актуальной и для Европы, так как регионы там имеют более широкие полномочия по определению местной повестки международного сотрудничества (как минимум, в Германии). С другой стороны, участие страны в целом в «НШП» воспринимается как компетенция центра, и применительно к местным последствиям наравне с бонусами не менее активно обсуждаются и риски (ухудшение стандартов труда, экология, конкуренция с соседними регионами). В этом плане показателен кейс германского региона «Северный Рейн-Вестфалия»⁷. Данный регион позиционируется как конечная точка многих предполагаемых транспортных коридоров внутри «Нового Шелкового пути», что предопределяет внимательное отношение к китайской инициативе со стороны местных властей и интеллектуальных сообществ, однако даже в таких благоприятных условиях сохраняется крайне осторожное отношение к перспективам сотрудничества с Китаем.

2. Другим ключевым выводом является то, что различные страны придерживаются различных подходов к развитию периферий и использованию в нем возможностей «Нового Шелкового пути».

Так, в России вплоть до последнего времени доминировала точка зрения, что региональное развитие – предмет исключительной компетенции центра, и лишь недавно риторика, связанная с тем, что для этой задачи могут и должны активно применяться иностранные инвестиции, появилась в выступлениях представителей т. наз. «бюрократии развития»

---

7 В европейских странах деление на центр и периферию не столь выражено, отчасти из-за небольших размеров государств. Поэтому проблемы регионального развития под влиянием «Нового шелкового пути» рассматривались нами на примере регионов экономически развитых, но не имеющих статуса «столичного» – типа земли Северный Рейн-Вестфалия в Германии.

(например, Министерства по развитию Дальнего Востока). При этом представители региональной экспертизы как раз довольно скептически к попыткам переложить финансовое бремя развития Дальнего Востока на плечи иностранных инвесторов. В целом, в России делается упор на привлечение иностранных инвестиций без особого внимания к стране их происхождения и не акцентируется внимание на использовании возможностей именно «НШП». Российские переговорщики склонны бескомпромиссно отстаивать собственные интересы при проработке проектов сотрудничества, что в подавляющем большинстве случаев приводит к торможению их реализации. Философию подобного подхода выразил посол России в КНР А.И. Денисов: «У Китая все хорошо и быстро идет с теми партнерами, для которых он все делает по полному циклу: китайские технологии, материалы, рабочие и т. п. Мы в такого рода подходе не нуждаемся, у нас свои технологии есть. И мы ничего в ущерб себе делать не будем. Здесь такой подход нужен: семь раз отмерь, один отрежь. Вот мы отмеряем пока».

Казахстан на данный момент более активно использует возможности «Нового шелкового пути» для активизации сотрудничества с Китаем, причем направляет их, прежде всего, на развитие периферийных территорий. В этом его интересы совпадают с китайскими, так как природные ресурсы также сконцентрированы именно на периферии. Региональное руководство осознает данную тенденцию и проявляет максимум усилий для того, чтобы сконцентрировать эту работу на своих территориях. В частности, зафиксирована конкуренция между акиматами различных областей северного Казахстана за прохождение через них транспортно-логистических коридоров, ассоциирующихся с «НШП».

Кыргызстан воспринимает возможные инвестиции в рамках «Нового шелкового пути» как единственную возможность профинансировать развитие собственных периферийных территорий, однако алармистское лобби блокирует ряд проектов. Хрестоматийный пример: позиция относительно строительства участка транзитной железной дороги «Узбекистан-Китай». Бишкек не желает тратить свои средства, даже взятые в кредит, на дорогу, которая, во-первых, больше нужна Узбекистану и Китаю, чем Кыргызстану; во-вторых, в условиях горной местности проект потребует значительных капиталовложений, которые никогда не окупятся; в-третьих, строительство может привести к экономической замкнутости юга страны на соседние страны, что, учитывая недовольство «южных элит» нынешней конфигурацией власти в стране, в перспективе может поставить вопрос о территориальной целостности Кыргызстана.

Таджикистан в различных регионах применяет различные стратегии. Например, в Горном Бадахшане, населенном не таджиками, а памирцами, китайские инвестиции не сопровождаются созданием социальной инфраструктуры (больницы, школы, дороги). В то время как в Кулябе – «вотчине» президента Таджикистана Э. Рахмона – такая инфраструктура появляется, хотя является ли это результатом инициативы инвесторов, или же обязательным условием со стороны властей, с опорой на источники сказать нельзя.

Для оставшихся двух стран Центральной Азии «Новый шелковый путь» не является критично важным с точки зрения развития собственной периферии. Узбекистан на данный момент «приглядывается» к инициативе Китая, не предпринимая активных действий по упаковыванию существующего сотрудничества в «обертку» «Пояса и Пути». Относительно диверсифицированная и закрытая экономика, отсутствие общей границы и сознательно сдержанная политика Ташкента в вопросах привлечения внешних займов делают Узбекистан менее зависимым от Китая по сравнению с другими странами региона.

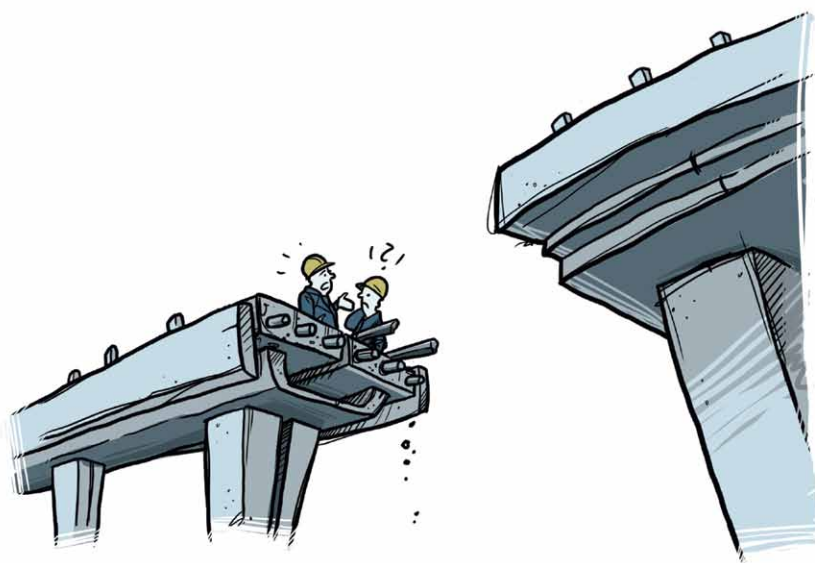
Что же касается Туркменистана, то эта страна, сконцентрированная на сотрудничестве в области торговли энергоносителями, вообще не рассматривает «Новый шелковый путь» в контексте развития периферий. При этом общая экономическая зависимость от Китая здесь высока. Например, от китайских займов сильно зависит реализация 2-й и 3-й фазы освоения газового месторождения Галкыныш, а также строительство всей энергетической инфраструктуры Туркменистана.

3. Как видно, наиболее выражено экономическая зависимость от Китая проявляется в тех странах, которые просто не имеют других источников финансирования для собственного развития. На постсоветском пространстве это Кыргызстан, Таджикистан; в меньшей степени – Туркменистан и Казахстан. В масштабах всего мира к ним можно прибавить Пакистан, Шри-Ланку и некоторые страны Африканского континента, где китайцы, во-первых, реализуют «полный цикл» производства, о котором выше упоминалось в цитате А.И. Денисова, а во-вторых, имеют рычаги воздействия на переговорах в виде выданных ранее кредитов. Анализируя этот процесс, можно сделать следующий общий вывод: «Чем слабее государство, тем сговорчивее оно в переговорах, и тем требовательнее в этих переговорах Китай».

Ключевые требования Китая связаны с преимущественным использованием китайских производственных мощностей, рабочей силы и инженерно-технического персонала. В вопросах финансирования конкретных инфраструктурных проектов Китай настаивает на направлении средств в форме «связанных кредитов» китайских госбанков или фондов. В проектах с сомнительной экономической перспективой китайские переговорщики требуют неких «государственных гарантий». На практике это означает, что, даже если проект будет убыточным, платить за него все равно придется – из государственного бюджета. Китай в этом случае получит загруженность собственных экономических мощностей во время реализации проекта и средства от возврата кредита после его реализации (либо определенные рычаги воздействия на государство-реципиент в случае невозможности вернуть кредит). В мировой практике уже есть примеры, когда построенная на китайские кредиты инфраструктура становилась «камнем на шее» местной экономики. Например, Шри-Ланка построила на китайские кредиты порт Хамбантота и аэропорт Маттала, оказавшись в ситуации, когда 95,4% бюджета идет на покрытие долга перед КНР.

4. Впрочем, никто никогда не утверждал, что Китай будет тратить свои финансовые ресурсы из побуждений благотворительности или из соображений политической конъюнктуры (и в первую очередь, это отрицает сам Китай). Соответственно, совершенно очевидным представляется вывод о том, что Китай не будет строить какую-либо инфраструктуру для своих партнеров по «Новому Шелковому пути» без выгоды для себя и тем более в убыток себе. Проекты, неочевидные с точки зрения выгоды для китайского инвестора, просто не будут реализовываться. Существующая по поводу таких проектов позитивная риторика из уст китайских представителей не должна нас сбивать с толку. В большинстве случаев она носит локальный конъюнктурный характер и связана либо с желанием региональных властей привлечь внимание центра, либо с надеждами получить средства государственного фонда под громкий проект с почти неизбежным в таких случаях «распилом».

Так, например, в течение 2014-17 гг. представители приграничных провинций Цзилинь и Хэйлуцзян на встречах с российскими партнерами и даже без таковых (например, на совещаниях провинциальных депутатских групп) неоднократно выступали с инициативами строительства трансграничных высокоскоростных железнодорожных магистралей (ВСМ), которые должны были бы соединить сеть ВСМ в Китае с Владивостоком и Хабаровском. Стоимость 140-километровой ветки «Хунь-

чунь-Владивосток» в мае 2016 г. оценивалась в 40 млрд. юаней⁸. Китайская сторона заявляла о готовности создать технико-экономическое обоснование, найти кредитора строительства и подрядчика. Однако в это же самое время Китай никак не включится в строительство 70-километровой автодороги от российско-китайской границы до строящегося порта Большое Зарубино в южном Приморье, несмотря на то, что затраты значительно меньше⁹, а необходимость такой дороги, в т. ч. для китайских грузоотправителей – больше (порт Большое Зарубино планируется использовать для внутрикитайского транзита «Север-Юг»).

Таким образом, на практике очевидно, что реализация комплексных проектов, выгодных в перспективе различным странам региона, а не только Китаю, требует именно коллективных усилий, в т. ч. в части финансирования. В тех случаях, когда эти коллективные усилия по разным причинам – в основном из-за нехватки средств – невозможны, то и говорить об их перспективности не приходится.

8 Примерно 400 млрд. рублей. Для сравнения: стоимость 762-километровой ВСМ «Москва-Казань», по оценке вице-президента «РЖД» Александра Мишарина (февраль 2017 г.), составит 1 трлн. 260 млрд. рублей, причем ожидается, что больше половины стоимости придется на кредиты с китайской стороны. Стоимость 55-километрового моста «Гонконг-Чжухай-Макао» составила около 11 млрд. долларов, т.е. 656 млрд. рублей.

9 По оценкам группы компаний «Сумма», которой принадлежит порт, это 37 млрд. рублей, то есть, по грубым прикидкам, в 10 раз меньше, чем ориентировочная стоимость ВСМ «Хунчунь-Владивосток».

Большинство инфраструктурных проектов в периферийных районах Центральной Евразии представляется экономически сомнительным из-за влияния целого ряда факторов (политическая нестабильность, угрозы безопасности, низкая емкость рынка, контр-лобби со стороны местных элит). Учитывая этот факт, результаты реализации «Нового шелкового пути», предположительно, будут иметь весьма ограниченный характер.

* * *

Подводя итог, следует указать конкретные рекомендации органам государственной власти и экспертным сообществам, выработанные в ходе дискуссии.

Государственным органам следовало бы способствовать транспарентности и демифологизации договоренностей с Китаем в рамках реализации «Нового шелкового пути». На данный момент, как общество, так и большая часть интеллектуальной и политической элиты имеют крайне смутное представление о том, что предлагает Китай и о чем с ним договариваются национальные правительства. Проведенное исследование дискурса это показало ясно. Сложившаяся ситуация создает благоприятную почву для алармистских настроений или, напротив, завышенных ожиданий от сотрудничества с Китаем. Более открытое для наблюдателей сотрудничество с Китаем (не только в части успехов, но и в части проблем) в будущем повысило бы уровень его эффективности для национального развития.

Сегодня исследованию возможностей и рисков «Нового шелкового пути» в природо-охранном и экологическом аспекте уделяется недостаточно внимания. Заполнить этот пробел должны общественные организации и экспертное сообщество.

Научно-исследовательским и аналитическим центрам следовало бы прилагать больше усилий по эмпирической проверке интеграционных программ и действий Китая в конкретных сферах.

Наконец, всем заинтересованным сторонам следовало бы обеспечить всестороннее развитие экспертизы (как в целом по международному сотрудничеству, так и по отдельным странам и субрегионам) в качестве первейшего и наиболее актуального этапа повышения качества региональной кооперации.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА

Аминжонов Фарход, PhD, заместитель директора Центрально-Азиатского Института Стратегических Исследований, доцент кафедры социальных и экономических дисциплин, университет Нархоз (Казахстан-Узбекистан)

Габуев Александр, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги (Москва)

Зуенко Иван, научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)

Каукенов Адиль, LL.M китайского права, к.ю.н., директор независимого исследовательского института Центр китайских исследований (Казахстан, Алматы)

Козлов Леонид, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Коростиков Михаил, ИД Коммерсантъ, корреспондент (Москва)

Мейер Каспар, специалист по разработке тренингов и специальных ознакомительных программ в Европейском Парламенте для правительственных делегаций из государств, не входящих в ЕС (Германия)

Михайлова Екатерина, научный сотрудник кафедры мирового хозяйства географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Нёссельт Неле, проф., др. др., заведующая кафедрой политологии с основным направлением «Китай/Восточная Азия», Университет Дуйсбург-Эссен (Германия)

Олейников Илья, к.и.н., доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск)

Спивак Вита, координатор программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги (Москва)

Урбански Зёрен, научный сотрудник Германского исторического института, Вашингтон (США)

Филиал зарегистрированного союза «Фонд имени Фридриха Эберта»
в Российской Федерации

109028, Москва
Яузский бульвар,
д. 13 стр. 3, офис 14
+7 (495) 937 53 23
fes_mos@fesmos.ru
www.fes-russia.org

Результаты работы экспертного семинара «Новый шелковый путь и будущее
региональной кооперации». Иркутск – Владивосток, сентябрь 2017

Автор текста: Иван Зуенко

Редакторы: Фарход Аминжонов, Зёрен Урбански, Александр Габуев

Литературный редактор: Светлана Михайлова

Иллюстрации: Ханс Винклер, **Макет:** Ханс Винклер

ISBN 978-5-902293-20-0

Выдано Российской книжной палатой
(Национальным агентством ISBN)

Отпечатано в Издательстве «ЛАРК ЛТД»

Идентификатор – 902293

